

РОН ЛЕЙК: ОТ СОВЕРШЕНСТВА К «ОТСТРАНЕННОСТИ»

Френсис Эмиль Энглейд

Понятие «художественное ремесло», или «декоративно-прикладное искусство», ставит перед заинтересованным зрителем целый ряд трудных, но вместе с тем занимательных вопросов. Например, где заканчивается ремесло и начинается искусство? Бенвенуто Челлини и Бернард Палисси — кто они, художники, как Рафаэль или Моне, или только мастера? Когда некоторые художники приходят к беспредметному искусству или фарсу, как в начале XX века, следует ли причислять к ремесленникам остальных, таких, как Галле и Лалик? Объясняет ли засилие безликих серийных штампованных вещей возрождение интереса к художественным ремёслам и эксклюзивным предметам декоративно-прикладного искусства? И можно ли назвать некоторые объекты современного, с позволения сказать, искусства более креативными, чем настоящие произведения художников-прикладников? (Здесь я имею в виду «творцов», вроде англичанина Дэмиена Херста и его шедевр — череп, усыпанный 8000 бриллиантами!)

Все эти вопросы в равной степени касаются штучного производства ножей, представленного самыми различными направлениями: от дорогих функциональных до ультрадекоративных экземпляров, от порожденных самой безумной фантазией до классических или «делюкс» утилитарных клинков. И почему, собственно, это должно быть иначе для ножей? Это справедливо для любой области творческой деятельности: производства автомобилей и мебели, модной

одежды и гастрономии, пишущих ручек и часов — везде, где наиболее известные производители претендуют на звание художника, а остальным приходится называться ремесленниками.

Один из знаменитых складных «бут-наиф», сделанный несколько лет назад. Нож конструкции interframe с замком tablock, на обкладках рукояти — перламутровые вставки и изящная гравировка. Фото Джим Вейер.

«Медведь и бизон», модель «Маленький американец», специальная серия, изготовленная для Barrett-Smythe Ltd. Конструкция interframe с замком tab-lock, вставки из «янтарного» оленьего рога. Винты и скоба для подвески на навершии рукояти – золотые. Гравировка выполнена Роном Смитом (Ron Smith). Фото Стефани Рубин (Steffany Rubin).

На самом деле все эти вопросы мало заботят больших мастеров, каждый из которых в своем собственном стиле (прямые ножи или складные, функциональные или декоративные), в своей собственной технике («живая» ковка или изготовление гаражным методом) и из своих любимых материалов (микарта или экзотические породы дерева, олений рог или бивень мамонта) создают произведения искусства и остаются верны избранному объекту любви – ножу. Предмету, безусловно, утилитарному, предназначенному для разрезания чего бы то ни было, но вместе с тем являющемуся символом власти и знаком престижа. Например, современные американские ма-

стера Боб Лавлесс и Рон Лейк делают только простые по дизайну функциональные ножи, хотя стоят в ряду наиболее дорогих и часто цитируемых изготовителей. Но кто осмелится утверждать, что Ларри Фюган или Джон Льюис Дженсен, известные своими причудливыми и дорогими складниками, делают нечто, не предназначенное для утилитарного использования? И неужели ножи Лавлесса и Лейка, украшенные гравировкой В. Черчилля или Ф. Фракасси (пусть их всего единицы), – неужели они менее функциональны, чем не декорированные (такие тоже есть) ножи Фюгана и Дженсена?

Мы упомянули здесь имя Рона Лейка, одного из лучших

и наиболее известных во всем мире современных ножевиков. Было бы интересно узнать, как он работает, поскольку это может пролить свет на некоторые заданные выше вопросы.

Рон Лейк родился в 1941 году. Всю свою юность и большую часть жизни он провел в штате Иллинойс, в городах Спрингфилд, Декатур и Тейлорвилль. Позднее он переехал на запад, в Юджин (штат Орегон). Долгое время он был высококвалифицированным специалистом по изготовлению мастер-моделей (или производственных образцов) для компаний – производителей электро- и автомобильного оборудования. Приблизительно в 1965–1966 году коллега по работе попро-

«Всемирный мемориальный торговый центр». По сути дела, это штучная версия модели, разработанной Р. Лейком для компании С.Р.К.Т. Здесь обкладки рукояти сделаны из переплавленного бронзового фрагмента здания WTC. Фото Джима Купера (Jim Cooper).

сил его почистить и отреставрировать пострадавший во время пожара ритуальный кинжал. Работа так увлекла и заинтересовала Рона, что он решил смастерить несколько ножей в порядке «хобби». В те времена продавать ножи в Иллинойсе было проблематично, в этом индустриальном штате едва ли можно было насчитать десяток охотников. Поэтому в течение пяти-шести лет половину своих ножей Рон просто раздаривал друзьям, соседям и коллегам по работе.

В 1971 году ему случилось увидеть рекламу второго показа гильдии найфмейкеров, проходившего в Хьюстоне, штат Техас. После звонка Бобу Лавлессу, упомянутому в рекламном анонсе, он решил съездить показать свой складник, только что законченный к празд-

нику Рождества 1970 года. Надо сказать, что, когда Рону исполнилось 10 лет, его отец, горнорабочий, презентовал ему складной нож, и этот подарок навсегда остался очень трогательным воспоминанием его юности. Но, несмотря на это, он почти никогда не делал складники, за исключением самых простых, без замков, в 1969 году. В то время основной костяк Американской гильдии найфмейкеров составляли тринадцать мастеров именно из Хьюстона. Среди них: А. Рассел (A. G. Russel), Боб Лавлесс (Bob Loveless), Клайд Фишер (Klyde Fisher), Стив Джонсон (Steve Jonson), Дон Закагнино (Don Zaccagnino), Джим Пау (Jim Pugh), Дан Деннехи (Dan Dennehy). Складник Рона стал настоящей сенсацией — это был первый

так называемый «интерфрейм» (interframe) — складник с глубокой инкрустацией на обкладках рукояти и задним замком tab-lock.

Однако здесь, я думаю, стоит прояснить ситуацию с производством штучных ножей для наших юных читателей (я имею в виду тех, кто в начале — середине семидесятых учился в институте) или для тех, у кого просто не было возможности следить за событиями ножевого рынка на Западе.

Прежде всего, не стоит забывать, что в то время в Америке, да и в Европе тоже, было не так уж много коллекционеров холодного оружия и основную массу покупателей штучных ножей составляли многочисленные охотники и рыболовы. Кроме того, даже в странах, известных массовым производством складников, охотничьи-

«Строгальщик», прямой нож – для разнообразия. Клинок длиной 7,5 см из стали ATS 34, обкладки рукояти из оленьего рога, золотые штифты. Гравировка выполнена Джоном Робинсом по сюжету графики Альфонса Мухи. Фото любезно предоставлено Barrett-Smythe Ltd.

ми традиционно считались прямые ножи. Это объясняет, почему ножевой рынок, по крайней мере после Второй мировой войны, был ориентирован преимущественно на прямые ножи. «Крестный отец» штучного ножевого производства Уильям Скейджел (William Scagel) иногда их делал, а вот его обожатель и последователь В. «Бо» Рендалл (W. Bo» Randall) – никогда, так же как и все основатели Гильдии. И даже когда позднее А. Рассел (A. G. Russell) разработал множество складников и Боб Лавлесс – несколько, оба они никогда непосредственно не занимались их изготовлением. Разве что только когда делали промышленные образцы для производства.

Во-вторых, американские ножевики всегда были заинтересованы в изготовлении маленьких

складников, поскольку могли оценить преимущества той или иной ножевой компании (например, Case, Schrade или Remington) по сравнению с другими по тому, насколько были пригодны их ножи для заточки карандашей, остругивания игрушек из дерева, открывания писем и коробок, осуществления мелкого ремонта и даже чистки каких-нибудь маленьких предметов. Но большинство этих моделей складников были самыми рядовыми, без замков, фиксирующих клинок, а значит, без предохранения от самопроизвольного сложения, и, естественно, наиболее тяжелые и ответственные работы приходились на долю прямых ножей. Поэтому, когда в 1964 году фирма Buck выпустила на рынок свою знаменитую складную модель

Hunter-110 (Model 110 Folding Hunter) с первым удачным задним замком, эта модель стала революцией. Все промышленные компании сразу же начали выпускать складники с задним замком «как у Buck», а «баковский» прототип стал считаться началом направления.

Третий момент касается инноваций самого Рона Лейка. Когда одна из специалистов по авторскому оружию перевела мою статью на русский язык и впервые столкнулась с термином interframe, она попросила дать более подробные объяснения. И когда узнала, что это просто глубокая инкрустация на обкладках рукояти, сказала мне, что рассмеялась, поскольку эта техника стара как мир и русским читателям будет трудно

Нож «Добро и зло». Специальный заказ для Barrett-Smythe Ltd., складник interframe с замком tab-lock; клинок длиной 10 см из стали ATS 34, вставки обкладок – из перламутра, «укомплектован» золотой зубочисткой. Вся металлическая поверхность обкладок покрыта гравировкой работы Джона Робина. Фото Стефани Рубин.

понять, в чем заключается суть изобретения Лейка. Это правда: мастера-оружейники, мебельщики и огромное количество прочих художников-ремесленников испокон веков используют подобную инкрустацию в своей работе. Но не все так просто, как кажется!

Использовалась ли подобная инкрустация для того, чтобы защитить материал обкладок рукояти и чтобы одновременно ее усилить? Не думаю. И во всяком случае, ни в США, ни где-либо в мире до сих пор этот прием не был запатентован. Как говорит Рон: «Самое важное в складниках interframe – это то, что мастера-индивидуалы осознали, что делать обкладки рукояти цельнометаллическими предпочтительнее, чем с прокладками и bolsterами... На языке патен-

та я назвал это «рамой» (frame), а впервые термин interframe употребил в разговоре с А. Расселом». Похоже обстоит дело и с термином tab-lock, также запатентованным: вместо обычного полукруглого выреза в обкладке рукояти, нужного для того, чтобы отжать пальцем центральную пружину и освободить клинок, Рон разработал прямоугольное ушко-выступ на конце рукояти, делающий более легким воздействие на замок. К тому же он выглядит элегантнее. Теперь это своего рода подпись на его складниках.

А теперь вернемся к тому знаменательному показу в Хьюстоне. Как я уже говорил, складник Лейка произвел фурор среди ножевиков. Но и Рон был шокирован обилием прекрасных штучных ножей, причем некоторые

были даже лучше отделаны, чем его собственный. Можно догадаться, что для Рона, – специалиста столь высокого уровня, это открытие стало мощным стимулом для дальнейшего развития. Ведь большинство ножевиков не обладало ни его опытом, ни его технической подготовкой. «Шок» от показа был настолько сильным, что уже в 1971 году Рон ушел с прежнего места работы, чтобы посвятить всего себя изготовлению ножей, – буквально «прыгнул головой в омут». Надо добавить, что в это же время А. Рассел сделал ему очень серьезный заказ на серию таких инновационных складников. К концу 1972 года половину продукции Лейка составляли складные ножи, а сейчас, пожалуй, и все 100%. Прямые Рон дела-

Нож «Зебра». Р. Лейк сделал несколько складников с формой клинка практически как у Варнклифа. Этот нож interframe с замком tab-lock, съемной скобой для подвески и гравировкой изготовлен для Barrett-Smythe Ltd. Фото Стефани Рубин.

ет очень редко, от случая к случаю. В техническом отношении он был весьма подкован и знал на тот момент все металлообрабатывающее оборудование (за исключением станков с ЧПУ, конечно), к тому же использовал для изготовления и отделки ножей самый широкий спектр материалов. Для него было вполне естественным применять в работе последние технические достижения и лучшие материалы. Если обкладки его первого складника были выполнены из цельного куска латуни, то для заказа А. Рассела он взял специальную марку алюминия, разработанную для авиационной промышленности, а в 1974 году впервые начал работать с титаном.

Что касается сталей, то он был в числе первых, кто стал изготавли-

вать клинки из нержавеющей стали 154СМ, продвигаемой на рынок Бобом Лавлессом; потом — из ее японского эквивалента АТS 34, но в конце концов пришел к выводу, что с точки зрения износостойчивости вряд ли можно найти что-то лучше инструментальной А2. Его оборудование для закалки клинков заказано на известной калифорнийской фирме Paul Vos. Несколько ножей он сделал с обкладками из золота, хотя и обнаружил, что этот материал труден в обработке, поскольку при его шлифовке возникает эффект «скольжения и залипания». Работал Рон также и с платиной, но в конце концов вернулся к титану, отказавшись по прошествии времени от цветовых эффектов анодирования. На рукояти он любит ставить все натураль-

ное. Но здесь он не одинок и к тому же при желании может использовать искусственные материалы, если они отвечают основной идее ножа. Возможно, он стал первым современным мастером, использовавшим бараний рог для вставок на складниках, заказанных ему известным ножевым дилером Тедом Девлетом. В своих конструкциях он никогда не применяет заклепки, а только резьбовые соединения, для надежности всегда укрепленные клеем Loc-Tite (двухкомпонентный клей, аналог нашей эпоксидки. — Прим. перев.).

Как мы уже упоминали, сегодня практически 100% его моделей составляют складники, но так было не всегда. Несколько лет назад из 25–30 ножей. 4–6 составляли прямые «файтеры».

◀ Вершина простоты и тщательности отделки: модель «Высокая Сьерра» (*сьерра* – горная гряда. – Прим. перев.). Нож interframe с традиционным замком tab-lock. Удлиненная рукоять (12 см) и вставки из оленьего рога. Гравировка в японском стиле выполнена знаменитым в США художником-гравиром Дэвидом Коллинзом (David Collins). Фото предоставлено Barrett-Smythe Ltd.

▲ Собранный и отделанный вручную вариант небольшого серийного складника с новой системой кнопочного замка, разработанная Роном Лейком для компании C.R.K.&T. (на клинке можно видеть отметку о заявке, поданной на получение патента). Фото Джима Купера.

Позднее, из-за проблем со здоровьем, особенно с глазами, он сократил производство и больше не делает обоюдоострых клинков, сосредоточившись на том, чего от него ждут прежде всего, — на складниках. У него примерно шесть моделей складников, три из них — это вариации «интерфрейм» различных размеров. Некоторые фантазийные модели он любит укомплектовывать золотыми зубочистками, которые прячет в небольшие отверстия сзади рукояти возле замка.

Если оценивать все это с точки зрения экстраординарности, можно прийти к выводу, что ничего особенного в его работах нет, за исключением, пожа-

луй, цельнометаллических обкладок рукояти со вставками из декоративных материалов, использованных конкретно для складных ножей. Но его ножи стали революцией и положили начало нескольким обособленным направлениям современного ножевого искусства. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что многие из сегодняшних выдающихся мастеров не были бы теми, кем стали, не открой Рон Лейк эти направления. И вовсе не случайно два величайших мастера наших дней Мишель Уолкер (Michael Walker) и Вольф Лейрхнер (Wolf Loerchner) работали в сотрудничестве с Роном Лейком.

Особенно удивляет, что его инновационный подход сочетается с качеством работы, неслыханным ни в те времена, ни сегодня. А ведь сейчас общий уровень производства штучных ножей гораздо выше, чем в семидесятые! Отношение самого Рона к своей работе весьма занято, и я, насколько смогу, попытаюсь его объяснить.

Конечно, забота о безупречном исполнении имеет место, причем Рону совершенно не важно, сколько на это уходит времени (он в состоянии работать по 80–100 часов в неделю!). Но совершенство — это не главное. Судите сами, он часто встает в пять часов утра и до восьми го-

◀ Фантастический High-end-складник конструкции interframe с замком tab-lock со вставками изумительного перламутра; инкрустация золотом и гравировка работы канадского мастера Мартина Батлера (Martin Butler), известного своими работами в стиле ар-деко. Фото Джима Купера.

Более новый складной «бут-наиф». Нож interframe с замком tab-lock и эффектными вставками из оленьего рога. Скоба для подвески на навершии рукояти и «художественные акценты» — из золота. Великолепная гравировка итальянской фирмы Creative Art. Фото Джима Купера.

товится к работе: выпивает чашку хорошего крепкого кофе, запускает машины, чтобы они час поработали вхолостую, настраивается психологически. Зачем надо «разогревать» станки перед работой? Рон считает, что «неразогретый» станок, по сравнению с «разогретым», дает при работе разницу в $\frac{1}{10}$ мм. А это для него недопустимо. Его техническое кредо: «Нулевые допуски».

Но все это делается не ради красоты, как можно было бы ожидать от лучшего в мире мастера по складным ножам, а из практических соображений: нулевые допуски означают, что он может без проблем переходить в работе от одного ножа к другому. Обычно Рон выполняет одну и ту же операцию на 8–10 клинках подряд, затем на 8–10 обклад-

ках (количество заготовок всегда одинаково) и т. д. Он хочет, чтобы, переходя от одной детали к другой, не надо было их сравнивать между собой. А это преимущественно вопрос психологического настроя: поскольку между человеком и заготовкой, которую он делает, и человеком и станком всегда есть дистанция и нужен определенный настрой, чтобы извлечь максимум из заготовки и станка! Как говорит Рон, «большинство людей не понимают, что машины несовершенны. Чтобы заставить их безупречно работать, нужен человек». Но если вы отождествляете себя с ними, вы становитесь необъективны. Так что в этом мире мастеров, связанных со своими произведениями сокровенными узами, Рон является

скорее исключением, поскольку всегда держит психологическую дистанцию между собой и своими изделиями. Конечно, он их любит, но это нельзя назвать страстью. Он не хотел бы привязываться к ним эмоционально, чтобы переживания по поводу критики в адрес ножей не мешали дальнейшей работе.

На самом деле Рон не считает себя художником. Он говорит, что это больше похоже на то, как если бы некто писал книгу и своей целью считал ее завершение. Когда книга дописана, это конец изготовления ножей и конец жизни. Только он пишет свой роман не словами, а предметами, и этот роман касается его лишь косвенно. Когда очередной нож закончен, Рон облегченно вздыхает и мгновенно забывает обо всем,

Совсем недавно сделанный складник interframe с замком tab-lock, совершенный в своей простоте. Нержавеющая сталь, небольшие инкрустации из золота, красивый олений рог – и всё!
Фото Джима Купера.

что с ним связано. Подобная отстраненность, или «эффект отчуждения», по Бертольду Брехту, сильно отличается от подхода большинства американских ножевиков, но вполне объяснима с точки зрения перфекционизма, лежащего в основе всей работы Лейка. Как можно стремиться к совершенству, если вы слишком эмоционально привязаны к результатам вашей работы? Если вы не можете объективно оценить ее и увидеть все недостатки, чтобы избежать их в будущем? И так до последнего слова в романе, до последнего ножа, который уже не будет нуждаться в улучшениях: до конца!

Однако не думайте, что Рон Лейк – холодный и безличный исследователь, чопорный эстет или бездушный калькулятор.

Напротив, он очень чувствительный, душевный, деликатный и щедрый человек. Но, как истинный творец, он предпочитает не афишировать все эти качества, поскольку не нуждается в громкой рекламе своих достоинств. Хотите пример? На свой interframe-складник, копируемый сейчас по всему миру, он получил патент № 3.783.509, но он никогда ни с кого не требовал свой законный авторский гонорар и никому не запрещал изготавливать подобные складники, хотя и имел на это полное право. Сам он объясняет это так: «Просто я люблю смотреть на хорошую работу, выполненную другими людьми, и еще я думаю, что за последние годы это позволило ножевикам вырасти в своем мастерстве». Другой пример: все свои техни-

ческие приемы он подробно описал в книге «Как делать складные ножи», которую выпустил в соавторстве с Вейном Клеем (Wayne Clay) и Френком Чинтофанте (Frank Centofante).

Мы думаем, теперь понятнее будет оценка известного ножевого коллекционера и поставщика Дональда (Дона) Мандельсона*: «На протяжении последних тридцати лет Рон Лейк возглавлял пятерку самых востребованных ножевиков!»

Перевод Алены Левашовой

* Ювелирный дилер, создавший в 1987г. в Нью-Йорке фирму Barrett-Smythe Ltd., поставляющую дорогие гравированные ножи, зажигалки Zippo и т. д. Прекратила свое существование в 1992 году, так как Дон уже был довольно стар.